

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Мам сосны
рисуют небо

Москва
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К49

Художественное оформление серии *Е. Петровой*

Редактор серии *В. Горюнова*

Ранее книга издавалась под названием
«Путешествие в страну мужчин»

Климова, Юлия Владимировна.

К49 Там сосны рисуют небо : роман / Юлия Климова. —
Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-189905-9

Катя Шурыгина младшая в семье, и она знает, что отец не одобрит ее отношений ни с одним мужчиной на свете. Его «крошка» всегда должна быть рядом, а остальное — как-нибудь потом. Но душа просит любви, и Катя совершает отчаянный побег. Ее путь лежит на Валдай, туда, где волнуются от ветра сосны, где верность и искренность имеют особую цену. Однако отец Кати не может смириться с произошедшим, и очень скоро на Валдай прибудет еще один человек...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-189905-9

© Климова Ю., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ПРОЛОГ

Этот вечно недовольный, скрипучий, едкий, как столетняя ржавчина, голос всегда вызывал у Степана приступ колючего страха и клаустрофобию. Он вжимал голову в плечи, морщился, опасливо поглядывал то на окно, то на дверь, а иногда даже жалобно шмыгал носом, точно проверял: пахнет самыми обыкновенными проблемами или надвигается свирепая буря? В данный момент явно надвигалась буря, и оставалось всего несколько минут на бесполезную панику и вопрос: «А сегодня-то за что?» Вроде за предыдущие пролеты он уже схлопотал сначала по самые лопаухие уши, а уж затем и по самую рыжую макушку и наивно полагал, что недельку будет тихо-спокойно...

Кому рассказать, он, тридцативосьмилетний мужчина, чуть ли не до смерти боится свою тетку! От одного ее взгляда подскакивает давление, отнимаются ноги, сохнет во рту и бледнеет и без того светлая кожа. Кому рассказать!

— А сегодня-то за что? — по привычке жалобно выдохнул Степан и нервно заерзал на потертом во всех местах диване.

Ответа долго ждать не пришлось — дверь распахнулась с особым оглушительным грохотом, причины которого пока были не ясны, и в комнате запахло по-рохом.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

«Может, она того... головой ее открыла... голова-то у нее железобетонная...» — вспыхнула торопливая мысль и исчезла. Степан бы и сам с радостью превратился в пыль, но, увы, это было не в его силах.

На пороге стояла Раиса Антоновна. Бывший муж наградил ее фамилией Горячева, а мама с папой — длинным острым носом, маленькими серыми глазками, тонкими губами, жесткими волосами пепельного цвета, узкими плечами, широкими бедрами и ростом чуть ли не метр девяносто. Выражение лица Раисы Антоновны всегда напоминало осеннюю сводку Гидрометцентра в дни затяжных дождей, первых крепких заморозков и последующей слякоти, а ее резкий хрипловатый голос наводил ужас не только на соседей по лестничной площадке, но и на глуховатую консержку, молоденького участкового и даже на тараканов. Именно поэтому в доме, где проживала гражданка Горячева, тараканов не водилось.

— Степан!

— Я! — отрапортовал он, подпрыгивая.

— Уж не сомневайся, я знаю, что это ты. — Раиса Антоновна вытянула правую руку и ткнула пальцем в своего великовозрастного племянника. — Мое терпение лопнуло!

— Я помыл посуду, — проблеял он, надеясь на снисхождение. — Вынес мусор и... и проветрил кухню.

— Круг, — с победной ухмылкой произнесла Раиса Антоновна.

— Какой круг? — Степан от удивления позабыл об элементарных правилах безопасности и, вместо того чтобы вжаться в диван, подался вперед.

Там сосны рисуют небо

— Коричневый! Коричневый круг от чашки... — Хищные глаза Раисы Антоновны сверкнули. — Сколько раз... сколько раз я говорила, что чай нужно размешивать медленно, не торопясь, тогда никаких коричневых кругов на столе не останется. Ты же плюешь на мои слова и размешиваешь чай слишком быстро... Нетерпеливо размешиваешь! — Голос Раисы Антоновны взметнулся к потолку, и стекляшки люстры, купленной еще в далекие советские времена, дрогнули. — А твои носки? Они лежат в корзине для белого белья, а должны лежать в корзине для цветного белья. Но это еще не все...

Степан втянул в легкие побольше воздуха и на миг замер. Пока ситуация не являлась критической: следы чая на столе, носки не там, где нужно... Ничего нового, ничего серьезного. Он и сам не понимал, почему его оплошности имеют столь нелепый и хронический характер. Вроде мешает медленно, вроде кладет куда нужно, не шаркает, не роняет, не просыпает мимо, но каждый раз одно и то же! Хотя ты тресни!

— Я терпеливо размешивал, — выдохнул Степан и уныло посмотрел на тетку. За восемь лет совместного проживания он так и не научился говорить ей «ты», твердо возражать или толково отстаивать свою точку зрения. А главное, ну чего она от него хочет? Чего пристает? Ему же не много нужно: поесть, попить, почитать медицинскую энциклопедию, опять поесть и попить, принять витамины и еще что-нибудь по мелочи. И как его угораздило оказаться бок о бок с этой наивреднейшей, ужаснейшей Раисой Антоновной?! Хотя давным-давно он сам по доброй воле переступил порог ее квартиры...

ЮЛИЯ КЛИМОВА

«Может, обойдется...» — подумал Степан, мечтая о валериановых каплях и маленькой рюмочке коньяка, однако страшная фраза «Но это еще не все...» и свинцовый взгляд теткиных глаз говорили совсем о другом. «Не надо было к ней переезжать, не надо», — дежурно пожалел он и шумно вздохнул.

Восемь лет назад Степан проживал в Мытищах — в однокомнатной квартире на пятом этаже. Работал где придется, редко встречался с одинокими девушками из категории «за тридцать», лечил несуществующую язву и несуществующий хронический ларингит, питался кашами и макаронами, совершал вечерние прогулки и полагал, что его спокойствию ничего не угрожает — жизнь и далее потечет однообразно и тихо.

Правда, водились за ним и темные делишки, но о них Степан предпочитал не вспоминать — по молодости да по глупости с кем не бывает?..

Родителей нет, друзей тоже, зато пара-тройка приятелей имеется и тетка в Москве...

Тетка.

Ох уж эта тетка...

Созванивались они редко — на праздники, дни рождения и в случае мировых катаклизмов. И инициатором в основном была Раиса Антоновна. Но вот звонки стали чаще, продолжительность разговоров увеличилась с пяти минут до получаса, и через некоторое время Степан уже не мог заснуть без ровного уверенного голоса единственной родственницы, которая вдруг, на пятидесятом году жизни, заскучала и почувствовала стойкую тягу к материнству. «Что ты сидишь в своих Мытищах? Переезжай ко мне, устроишься здесь в Мо-

Там сосны рисуют небо

скве на хорошую должность, рядом со мной будешь, все ж мы не чужие. А квартиру сдай, чего добру пропадать. Детей у меня нет, так о тебе заботиться буду, ты небось и носки толком постирать не в состоянии». Напор Раисы Антоновны сделал свое черное дело, и Степан, мечтая о домашнем уюте, наваристом борще (а вдруг и нет у него никакой язвы?), сдал квартиру и переехал к тетке. Кто ж знал, кто ж знал...

И поначалу вроде все шло гладко: Раиса Антоновна стирала, убирала, готовила и не слишком докучала, но потом... потом ее материнский настрой пошел на убыль, и она превратилась в классическую мачеху из народных сказок, с той лишь разницей, что домашние обязанности так и остались лежать на ее узких плечах. И это был особый, всегда беспроегрышный повод запилить племянника до полусмерти. Удовольствие, не сравнимое ни с чем.

Кошмар с каждым разом становился чудовищнее и мучительнее, но Степан уже не мог отказаться от маленькой комнатки с видом на унылый двор, от потерянного дивана, плюшевого и мягкого, от ковра с ромбами по углам и оленями в центре, от люстры из прозрачных стекляшек, от подоконника, заставленного вонючей геранью, и многого, многого другого... Он привык и к Москве, и к борщам, и к вареникам, и к чистым носкам, и к тому, что можно не работать, и даже к кобре-тетке привык! Поругает, попилит острыми зубищами и оставит в покое на пару дней, и ничего страшного вроде не произошло — обошлось, и ладно.

— Но это еще не все... — повторила Раиса Антоновна и скривила губы. — Что ты можешь сказать о

ЮЛИЯ КЛИМОВА

моем любимом махровом полотенце? О полотенце желтого цвета с белыми полосками по краю?

Только сейчас Степан обратил внимание на то, что левую руку тетка прячет за спиной и, скорее всего, в данный момент ее цепкие узловатые пальцы сжимают именно это треклятое полотенце.

— Я его не брал... и не видел...

— Неужели?

— Точно.

— А я вот думаю иначе!

Раиса Антоновна вытащила из-за спины полотенце, быстро расправила его и продемонстрировала потухшему племяннику четкие бордово-фиолетовые пятна, украшающие середину и края мягкой желтой ткани.

— М-м... — жалко выдал Степан.

— Что это? Что это, я спрашиваю?!

Молчание вряд ли бы спасло, и ничего не оставалось, кроме как покаяться.

— Вино... красное, полусладкое...

— Я так и знала! — Раиса Антоновна от негодования и ликования топнула ногой. — Опять с Нинкой развратничал!

Покраснев, Степан резко замотал головой:

— Нет, она просто зашла... мы расстались...

Эта была полуправда, а о горькой правде он предпочитал не думать, оберегая сердце от инфаркта, желудок от все той же язвы, а нервную систему от вялотекущей депрессии.

Да, крепкая, яркая, пахнувшая жасмином Нина-Нинель его бросила (а кому нужен ленивый неработающий

Там сосны рисуют небо

мужчина, живущий на небольшой доход от квартиры в Мытищах?), но перед сокрушительным «Я слишком хороша для тебя, прощай!» она подарила ему последний эротический эпизод, столь лихой и великолепный, что теперь, мысленно перебирая утраченные удовольствия, хотелось плакать. Горько, горько плакать... «Надеюсь, ты меня не скоро забудешь», — хохотнула она напоследок и ушла, хлопнув дверью. Ушла, а разлитое вино, обида и пустая надежда впитались в любимое банное полотенце Раисы Антоновны, на котором Нинель возлежала столь трепетно, столь живописно...

И как тетка нашла? Он же хорошо его спрятал: запихнул под ванную, хотел позже отнести в химчистку...

— Значит, твоя потаскунья шарила в моем шкафу, трогала мои вещи и... и... и... О, я даже не могу представить, что она делала с моим любимым полотенцем! — В голосе Раисы Антоновны зазвучали не только гневные, но и трагические ноты. — И это после того, как я застукала ее голой на столе собственной кухни!

— Вы все неправильно поняли тогда, — заплетающимся языком выдал Степан. — У нас была важная дата... год знакомства... и Нинель, то есть Нина... хотела сделать мне... сюрприз. Ну... хм... ей казалось, что так... хм... так получится... торжественно.

— Торжественно? — Брови Раисы Антоновны от искреннего удивления подскочили на лоб.

— Я не то слово подобрал... не то...

История с «аморалкой на кухне», а именно так тетка именovala произошедшее месяц назад, Степан бы

с удовольствием вычеркнул из памяти и из жизни, он до сих пор не мог забыть визг Раисы Антоновны и пронзительные звуки бьющейся посуды. Его встречи с Ниной не были такими уж частыми, и домой он ее приглашал лишь в исключительных случаях. А разве год знакомства не исключительный случай? Тетка на работе — ничего же не предвещало беды! Степан побежал в магазин за коробкой конфет, потому что заранее не подготовился, потому что о важной дате забыл, а Нинель, томимая страстью, разделась и устроилась на столе: вот, мол, я какая — самый лучший десерт, какой только может быть!

Но тетка с работы пришла значительно раньше... Видимо, чутье сработало! И конечно, на кухонном столе она обнаружила не салат из помидоров и огурцов, не банку шпрот и не тарелку с супом — она обнаружила совершенно голую и абсолютно бесстыжую Нинку, которая при виде родственницы любимого мужчины не потупила застенчивый взор, не залилась краской стыда, не прикрылась краем шторы, а искренне и громоподобно захохотала, обмахиваясь от переизбытка чувств мятой бумажной салфеткой.

Степан влетел в квартиру пять минут спустя, но Раиса Антоновна была так занята отчаянным битьем посуды и выдворением «порочной шалавы» из кухни, что племянника не заметила. А он метался из угла в угол, ойкал, охал, собирал с пола одежду подруги и невнятно пытался успокоить разбушевавшуюся тетку, но тщетно.

Нина-Нинель позвонила на следующий день утром и сказала, что подобного удовольствия она уже дав-

Там сосны рисуют небо

но не испытывала и им нужно обязательно повторить этот фейерверк эмоций, но уже без Раисы Антоновны.

— Не то слово подобрал? Да ты предавался утехам на моем столе! Утехам с этой шалавой! А теперь? — Она взмахнула злосчастным полотенцем. — А теперь, оказывается, она имела наглость прийти еще раз!

— Ну, каким утехам... — Степан сморщился. — Это же так... общение...

— Убирайся из моего дома! — вскричала Раиса Антоновна, швырнула на пол полотенце, демонстративно потопталась по нему и вылетела из комнаты.

Дальнейшее Степан воспринимал в полубессознательном состоянии: уши заложило, картинка поплыла, а сердце, казалось, остановилось.

Тетка вернулась через несколько секунд с большим коричневым чемоданом, некогда прибывшим сюда вместе с хозяином из Мытищ. И быстро и ладно стала паковать вещи, изредка бросая недовольные фразы и гневно потрясая то кулаком, то указательным пальцем в воздухе. Все ее движения были настолько четкими и точными, трусы, носки и майки так идеально складывались ровными стопками, оставляя достаточно место для брюк и рубашек, что в голове Степана пронеслась дребезжащая мысль: сколько же раз в мечтах она уже прогоняла его из квартиры?

— Убирайся! — в который раз выкрикнула Раиса Антоновна и напоследок больно ужалила: — К шалаве своей убирайся! Раз она тебя любит, то и приютить не откажется!

Вытолкав его на лестницу, она многозначительно гроыхнула чемоданом об пол и хлопнула дверью.

— Я-я... — попытался вставить хоть что-то Степан, но тут же замолчал и крепче прижал к груди любимую медицинскую энциклопедию. Его оправдания уже никого не интересовали, привычная жизнь рухнула, и реальность происходящего холодом пробрала до самых костей. — Одни мы с тобой остались, — шмыгнул он носом, теребя замусоленный угол книги. — И куда идти?..

Степан немного потоптался около мусоропровода, надеясь, что тетка остынет и позовет обратно, затем застегнул молнию ветровки, вяло пнул ногой чемодан, тяжело вздохнул и нажал кнопку лифта. Где найти временное жилье, куда податься?

— Поеду к Павлу, — решил он и, бросив последний взгляд на дверь теткиной квартиры, с чувством произнес: — Грымза проклятая. Самая настоящая грымза.

До Ярославской улицы он добрался за полчаса — расстроенный, подавленный и раздраженный. Он уже отвык от таких марш-бросков, от толчеи в общественном транспорте и поэтому безмерно жалел себя и настойчиво винил во всем Нинку. Ей лишь бы поиграться, а ему? Ей лишь бы ногами подрыгать, а ему? Семью захотела! А где взять здоровья на эту семью?! Какая работа, когда его в трамвае укачивает, а в метро начинается приступ кашля и расстройство желудка одновременно! Степан поджимал губы, шмыгал носом и тащил тяжелый чемодан от автобусной остановки к бело-желтой башне (с передышками через каждые десять метров). Одна дура и вторая дура, а ему-то как жить?..

Там сосны рисуют небо

Дверь Павел открыл сразу, будто только и ждал того момента, когда к нему кто-нибудь заглянет. С последней встречи он ничуть не изменился. Это порадовало и несколько успокоило: все так же смазлив, все так же волосы обесцвечены «под блондина», все те же прыщи на носу.

Сунув руки в карманы спортивных штанов, Павел оглядел гостя с головы до ног и, не задавая вопросов, пропустил в квартиру.

— А я от тетки ушел, — отчитался Степан, с облегчением пристраивая чемодан около кресла. — Вернее, она меня выгнала... Мегера — она и есть мегера. Я, конечно, понимаю, что тебе постояльцы не нужны. — Он жалобно приподнял рыжие брови. — Но мне бы дней пять перекантоваться, а дальше... В Мытищи, наверное, вернусь, вот квартиру освободят, и вернусь.

— Ага, я от тетки ушел, я от дядьки ушел, я от зайца ушел, я от волка ушел, — усмехнулся Павел и, подхватывая со стола пачку сигарет, добавил: — А от меня не уйдешь.

— Чего? — не понял Степан.

— Очень ты вовремя, мне напарник нужен.

— Какой еще напарник?

— Бездомный, безработный и с простой неприметной внешностью. Правда, ты рыжий... — Павел закурил и почесал небритую щеку.

— Я не ярко-рыжий, — на всякий случай заступился за себя Степан и аккуратно присел на подлокотник кресла. — И я кушать хочу.

— Есть дело.

— Какое? У меня хронический ларингит... и подозрение на язву.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Павел ответил не сразу, с минуту смотрел на приятеля, хмурился и барабанил пальцами по столу.

— Мне нужен напарник. Как в старые добрые времена. Помнишь или уже позабыл?

Вот таких намеков Степан очень боялся, ему-то последнее время казалось, что «лихая молодость» — это сон или выдумка, ну, в крайнем случае, затертое до дыр прошлое — далекое-далекое, а значит и ненастоящее. Но Павел, видимо, относился к былым «подвигам» иначе...

— О чем это ты?

— О том самом. Ладно, ладно, не дергайся, дельце ерундовское, и всего-то один разок помочь нужно... Я, знаешь ли, решил быстро разбогатеть — с риском, но по-умному.

— Хм... как именно? — осторожно поинтересовался Степан, уже терзаемый дурными предчувствиями.

— Легко и просто. — Павел дернул плечом и добавил: — На свете так много толстосумов, у которых есть избалованные дочери...

— Что? Не понял...

— Я тебе сейчас все объясню.

Последующие пятнадцать минут Степан просидел с открытым ртом и округлившимися глазами, его лопоухие уши оттопырились еще больше и покраснели, а живот урчал не то от голода, не то от нервов. Оказывается, Павел замыслил не что иное, как похищение дочери какого-нибудь богатея. Ничего себе ерундовское дельце!

— Все будет нормально, не бойсь, я же не дурак какой-нибудь. Главное — не завышать выкуп и отдать

Там сосны рисуют небо

девчонку в целости и сохранности. А нам-то она все равно на фиг не нужна.

— Но тюрьма... — напомнил Степан, облизывая пересохшие губы.

— Риск не больше, чем раньше, и твое дело обычное — на шухере постоять. Не заладится, так топай спокойно домой. Я же тебе сказал, нужно сделать все по-умному и не зарываться. Вот, например, шоу-бизнес лучше не трогать, раструбят во всех газетах — не отмажешься, а владельца какого-нибудь ювелирного магазина, банка или страховой компании пощипать — милое дело.

— Так, может, ты уже и выбрал кого?.. — тихо поинтересовался Степан, надеясь, что происходящее всего лишь дурной сон.

— Может, и выбрал, — загадочно улыбнулся Павел, отправляя недокуренную сигарету в пепельницу. Он подошел к шкафу, взял с книжной полки фотографию и протянул ее Степану, тот с недоверием, волнением, страхом и любопытством уставился на не слишком четкий портрет девушки. Волосы цвета лесного ореха, глаза темные, большой капризный рот и вроде не худышка костлявая...

— А кто это? — поднимая голову, шмыгая носом, спросил Степан.

— Екатерина Шурыгина. Двадцать один год. Учит-ся в институте, — быстро ответил Павел и с ухмылкой добавил: — И она — дочь Короля Алкоголя.

ГЛАВА 1

В пятьдесят один год он уже не мечтал о любви. Какая любовь, когда волосы поседели, работа заняла все свободное время, а дочери выросли и шагнули в самостоятельную взрослую жизнь.

Три дочери.

Это много. Очень много.

Не каждый выдержит...

Полина, Ольга, Катюшка.

И воспитывать их пришлось самостоятельно, без бабушек и дедушек, и, к горькому сожалению, без жены...

А главное — они абсолютно разные! И сюрпризы преподносят такие, что голова кругом и год за два считать можно. Петр Петрович нахмурился, бросил взгляд на часы и припарковал машину около подъезда своего дома.

Полина... Вот кто особенно потрепал ему нервную систему! Вот благодаря кому журналисты последнее время с удовольствием склоняли фамилию Шурыгина в своих газетенках, подкрепляя сочные истории не менее сочными фотографиями. То его старшей дочери захотелось поучаствовать в непотребном конкурсе... хм... «Лучшая попка сезона», и, конечно же, она победила, то на банкете оказалось слишком много алкоголя, и желание раздеться и устроить стриптиз

Там сосны рисуют небо

одержало победу над разумом, то еще что-то в этом роде! Полина с детства творила что хотела, и никто не мог ее остановить. И в юном возрасте она была самой задиристой, самой своевольной и самой непредсказуемой особой, обладающей насмешливым взглядом и ослепительной улыбкой. Училась, правда, хорошо, но поведение и поступки сводили с ума и заставляли хвататься то за сигарету, то за сердце! Уж слишком легко она относилась к важным вещам, и эта черта характера лишь закрепилась с годами. Красива, дерзка, умна, а скольких мужчин Полина лишила покоя, скольких кавалеров без особых размышлений отодвинуты в сторону — всем спасибо, все свободны! А ему так хотелось внука, шепутного любознательного паренька, с которым можно поиграть в морской бой или футбол...

И собственным салоном «Анни» Полина совершенно не интересовалась — ночью пропадала в клубах, а днем спала, не беспокоясь ни о чем. И сил бороться с этой избалованной девчонкой уже не оставалось. Но в феврале Полина скоропалительно вышла замуж за Андрея Стрельцова и, кажется, это событие весьма благотворно повлияло на ее характер, хотя... хм... муж оказался ей под стать!¹

— От этой парочки можно ожидать чего угодно, — буркнул Шурыгин, поднимаясь по лестнице к лифту. Еще немного — и он дома. Крепкий чай, ровный шум телевизора и, пожалуй, простенький бутерброд с колбасой или сыром будут очень кстати, сегодня выдал-

¹ Об этом можно прочитать в романе Ю. Климовой «Пожалуйста, обернись».

ся тяжелый день и хочется отдохнуть, расслабиться. — Девочки, мои девочки, — нараспев произнес Петр Петрович и устало расстегнул пуговицы пиджака.

Ольга... Его помощница, опора, правая рука. Профессионал! Как хорошо, что она решила работать с ним бок о бок в «Форт-Экст» — холдинге, президентом и владельцем которого он является долгие годы. И все у нее правильно и по полочкам, четко, продумано, и никакой суеты, лени или праздности. Два высших образования, знание английского, немецкого и французского языков, школа сомелье, должность директора департамента закупок... Он мечтал, мечтал, что со временем одна из дочерей возьмет на себя ответственность за «Форт-Экст», и Оля, безусловно, справится.

Но ее личная жизнь всегда была причиной волнения и грусти. Трехлетний брак с пустозвоном Константином Белкиным закончился разводом, и начался длительный период затворничества. Оля не посещала светские вечеринки, не общалась с подругами, отдавала предпочтение строгим деловым костюмам и уж слишком увлеклась работой. Встречи, совещания, командировки, опять встречи, совещания, командировки... Душа за нее болела, а бывшего муженька хотелось найти и пристрелить. Найти и пристрелить! Однако Судьба знает, в какой момент вильнуть в сторону, и Оля встретила мужчину, который перевернул ее устоявшийся и уж слишком правильный мир вверх тормашками. Никита Замятин — сын давнего друга и наследник ресторанной империи «Пино Гроз», вернулся из Лондона в Москву и растопил лед в сердце

Там сосны рисуют небо

Оли¹. Вчера она собрала вещи и ушла к нему — влюбленная, сияющая, счастливая.

— Все будет хорошо, все получится, — тихо произнес Шурыгин, вынимая ключи из кармана.

Может, средняя дочь подарит ему долгожданного внука? Внук — это мечта! Еще какая мечта!

«Может быть... может быть... почему бы и нет?..»

Катюшка. Его любимица, его малышка. И не важно, что ей двадцать один год — она по-прежнему для него кареглазая крошка, внешне очень похожая на покойную мать, она по-прежнему нуждается в заботе, внимании и контроле. И вот уж кому точно пока не следует думать о мужчинах, так это ей. Никаких мужчин! Катя еще цыпленок. Слишком ранима, мечтательна и наивна. Сначала институт, затем работа в «Форт-Экст», несколько лет на приобретение опыта, а там видно будет... Хм, но разве можно доверить Катюшку кому-нибудь? Хотел бы он посмотреть на того героя, который осмелится просить ее руки и сердца. М-м... уж лучше пусть этот фрукт не попадается на его пути... Никаких мужчин — и точка! Даже через десять лет ему будет тяжело расстаться со своей любимицей, со своей малышкой...

— Контроль, абсолютный контроль, — серьезно произнес Петр Петрович и открыл дверь.

Но в квартире было тихо и темно: не шумел телевизор, не журчала вода в ванной комнате, не раздавалась обычная телефонная болтовня, не горел свет в коридоре. Загуляла где-то Катюшка, загуляла...

¹ Об этом можно прочесть в романе Ю. Климовой «Сто лет без тебя».

Шурыгин нахмурился, посмотрел на часы — половина десятого, сменил ботинки на тапочки, вынул из кармана мобильник, прошел в кухню, повесил пиджак на спинку стула, нажал кнопку чайника, еще раз посмотрел на часы, сел за стол и набрал номер младшей дочери. Но безликий женский голос сообщил, что она недоступна — позвоните позже, дорогой товарищ.

— И где ее черти носят! — сердито бросил Петр Петрович, но тут же замер, неотрывно глядя на телефон. Тишина и особое волнение, к которому за последние дни он стал привыкать, осторожно коснулись души, и мысли потекли совсем в другом направлении.

А может, сейчас... позвонить *Ей?*.. Прямо сейчас... взять и позвонить...

Он тяжело вздохнул и на пару секунд закрыл глаза.

В пятьдесят один год Петр Петрович Шурыгин уже не мечтал о любви... Но никогда не знаешь, что тебя ждет за поворотом, чей взгляд встретится с твоим, и сердце вспыхнет... Он оказался не готов. Он не поверил! Он даже пытался улизнуть от этого невероятного чувства, он спасался бегством! Но брякнули серебряные браслеты, мяукнула кошка и ухнул филин... И его судьба была решена.

Он познакомился с Любой при невероятных и необъяснимых обстоятельствах — в магическом салоне. Пыльные книги, мерцающие свечи, круглый стол, скатерть до пола, стеклянный шар на тяжелой мраморной подставке, запах сушеных трав... и жгучий взгляд темных глаз. Длинные кудрявые черные волосы, цветастая юбка... Цыганка. Тонкая, как тростинка, желанная, как мечта, терпкая, как черемуха...

Там сосны рисуют небо

И как его, серьезного, солидного бизнесмена, занесло в такое место? О чем он думал?! О чем?! Об Ольге и Никите. Да, именно о средней дочери и ее молодом человеке. Хотя как раз тогда и невозможно было понять, какие отношения их связывают, вместе они или нет?

Дочери, дочери... сумасшедший дом какой-то! Умеют девочки преподносить сюрпризы!

Шурыгин переступил порог магического салона с наивным и отчаянным желанием узнать правду, но так и не смог задать вопросы, потому что сердце уж слишком громко стучало, сбивая с мыслей, потому что стеклянный шар переливался то синим, то бордовым светом, потому что свечи дрожали, а голова кружилась... И он сбежал: («Извините... я нарушил ваш покой... я здесь случайно... извините»), и уже на следующий день горько пожалел об этом. Душа ныла и постоянно находилась в состоянии непокоя, повсюду мерещились черные кошки, работа не клеилась, и мелкие неудачи подстерегали на каждом шагу. Он должен был вернуться и еще раз увидеть Ее — просто так... Но Любы в салоне не оказалось, и прошли еще долгие часы-дни, прежде чем он смог ее увидеть. И вторую встречу он тоже вряд ли когда-нибудь забудет, особенно потому, что на этот раз сбежала уже Люба...

— Спасибо, — тихо произнес Петр Петрович, вспоминая события последних дней.

Кому спасибо? Судьбе, которая скрестила дороги именно в этой точке, старой Раде — бабушке Любы, хозяйке магического салона, которая чуть-чуть вме-

ЮЛИЯ КЛИМОВА

шалась и чуть-чуть помогла, и самой Любе, которая подарила робкую надежду на счастье. Она оказалась школьной учительницей, а не гадалкой или дипломированным магом... И еще спасибо одному человеку, имя которого Шурыгин из вредности не хотел называть.

Егор Кречетов. Но это отдельная история.

— Люба, Любовь... — Петр Петрович вновь дотронулся до телефона и улыбнулся. Он осмелился позвонить лишь один раз. Вчера. И пока список романтических подвигов на этом заканчивался.

— *Здравствуйте, Люба...*

— *Здравствуйте, Петр Петрович...*

Они сказали друг другу всего несколько слов, будто шли по тонкому льду и боялись ошибиться, он спросил: почему она исчезла так неожиданно, она смущенно ответила: не знаю, так получилось, непривычная обстановка, много людей...

— *Но мы еще встретимся? — с надеждой спрашивал он.*

— *Да, конечно, — отвечала она.*

— *Я все объясню... у меня три дочери — это так много... — путался он.*

— *Ну что вы, — мягко упрекала она, — это замечательно.*

Вот как раз из-за старшей дочери он чуть и не потерял Любу! А кто еще мог во время танца рухнуть на пирамиду из бокалов? Только Андрей и Полина. Та еще парочка! Петр Петрович устало потер ладонью лоб. Та еще парочка... На презентациях, банкетах, фуршетах

Там сосны рисуют небо

всегда теперь придется нервничать и оглядываться по сторонам — отчебучат они что-нибудь или обойдется?

Честно говоря, редко когда обходится — не одно, так другое...

Не прекращая думать о вечной проблеме отцов и детей, Шурыгин вновь посмотрел на часы и нахмурился.

Где Катя?

Но все тот же безликий женский голос сообщил, что она, увы, по-прежнему недоступна...

— Контроль, нужен абсолютный контроль, — сердито буркнул Петр Петрович и нетерпеливо побарабанил пальцами по столу.

* * *

Оторвать взгляд от его крепких обнаженных рук было невозможно. И от обнаженных ног тоже... Вот это мощь, вот это сила... А как он двигается, как злится, как улыбается... Катюшка мечтательно вздохнула и закусила нижнюю губу. Полина вышла замуж и укатила к Андрею. Ольга за считанные минуты собрала вещи и отправилась к Никите, пора бы и ей уже начать с кем-нибудь серьезные отношения. Прошлые мимолетные увлечения не в счет. Так, ничего особенного — любовью и не пахло. А хочется именно любви! Самой настоящей любви.

Как у Полины.

Как у Оли.

И все же какие у него руки, какие ноги... Как у голливудского актера! И длинная светлая челка волшебным

подпрыгивает в такт движениям, а острый нос роднит его со Штирлицем. Ага. Ему бы пошла военная форма... Катюшка чуть съехала с пластикового кресла вперед и деловито скрестила руки на груди. Бамц-бамц-бамц! Мяч стучал по раскрашенному полу, подтверждая фривольные мысли, а теплый ветерок невинного возбуждения уже щекотал шею. Бросок — пара метров полета — и мяч аккуратно вошел в корзину.

— Серега лучший, правда?! — радостно выпалила Светка, торопливо вынимая из сумочки косметичку. — Не то что наши молокососы-однокурсники. А баскетбол — его страсть! Я сюда два раза в неделю прихожу — поболеть, да и вообще...

— А сколько ему лет?

— Точно не знаю, двадцать девять, кажется. Я слышала, как препод по истории хлопал его по плечу и говорил, что скоро тридцать и все такое, мол, молодец, многого добился. Сергей раньше в сборной института числился, а теперь просто приезжает пару раз в неделю и играет с друзьями и нашими малолетками. По нему, кстати, и Оксанка, и Маринка сохнут. — Света наклонила голову набок и приподняла брови. — Только он их не замечает. Перекинулся парой слов, и все. А они-то, дурехи, почти месяц в спортзале дежурили, чуть не разругались вдрызг.

Катюшка неторопливо села ровно, вынула мобильник из кармана джинсовой куртки и отправила его в сумочку — все равно разрядился и толку от него нет. Затем застегнула молнию и накрутила на палец прядь волос.

— А как его фамилия?

Там сосны рисуют небо

— Романенко. А что, понравился?

Раздался свисток, редкие аплодисменты, едкие замечания победителей, а также обещания от побежденных непременно отыгаться в следующий раз.

— Неа, — из вредности ответила Катюшка, резко встала и направилась к выходу. — Я домой.

Но взгляд настойчиво устремлялся в сторону баскетболистов. Сергей — хорошее имя, в книжках так обычно называют геройских парней. Вот бы представить его Полине (она наверняка ахнет и поздравит с удачным выбором) и Оле (она не будет в восторге, укажет на разницу в возрасте и вообще запретит думать о «мальчишках» на ближайшую пятилетку). В любом случае — это было бы здорово! Интересно, как он целуется? Ладно... глупые мысли... «И все бы мне завидовали», — коротко улыбнулась Катюшка и поправила на плече сумку.

— Эй! — раздался мужской голос, и она обернулась.

Пигалица и первая факультетская сплетница Светка стояла рядом с Сергеем, и ее лицо светилось приторным самодовольством.

— Давай знакомиться, — предложил красавец баскетболист и в три шага преодолел приличное расстояние.

Катя автоматически выпрямила спину, убрала за ухо волосы и мило улыбнулась. В такие моменты она всегда вспоминала Полину и изо всех сил старалась походить на нее. А какая Полина? Смелая, решительная, красивая, уверенная в себе и сексуальная. Если своего опыта нет, то всегда можно взять пример с

ЮЛИЯ КЛИМОВА

успешной старшей сестры. Хотя бы вначале, а потом... уж как получится.

— Екатерина.

— Сергей.

— Отлично, — влезла Светка и округлила глаза, что означало: не будь душой, вдруг он втрескается в тебя по самые уши. — Ну, я пошла, общайтесь... — Не удержавшись, она хихикнула и прикрыла ладошкой рот.

— До завтра, — ответила Катюшка, мысленно радуясь знакомству.

Полина, наверное, похвалит.

Оля, наверное, не одобрит.

Папа... Папе лучше вообще ничего не рассказывать.

— А я тебя здесь первый раз вижу, — улыбнулся Сергей.

— А я раньше и не оставалась на игру.

— Подбросить к дому?

— Да, — легко ответила Катя и кокетливо взяла его под руку.

Полина похвалит.

Оля не одобрит.

Папа?.. Папа не узнает.

Быть самой младшей в семье — сомнительное удовольствие. Конечно, тебя балуют, заботятся, усиленно любят, но и многое запрещают. Маленькая, и все тут! Никто и не вспоминает, что ей двадцать один год, что она не глупенькая девочка, обожающая сладости и газировку, а самостоятельная девушка, которая больше пяти лет пользуется косметикой, носит короткие

Там сосны рисуют небо

юбки, читает любовные романы, смотрит мелодрамы и мечтает о самом обыкновенном принце. Желательно, конечно, на белом коне, но и на чем-нибудь другом тоже сойдет. Был у нее Лешка, был у нее Антон. Дураки! У одного в жизни все слишком просто, у другого слишком сложно. Подруги целуются, обнимаются, расслабляются, когда родителей нет дома, а она, оберегаемая сестрами и папой, чаще бывает на светских приемах занудных VIP-персон, чем в ночных клубах или приятельских вечеринках. О, если бы она хоть раз заикнулась о том, что не придет ночевать... Н-да-а... Ее бы убили. Сразу! Ольга бы завалила аргументами, засушенными до гранитного состояния, а папа бы накрыл волной такого гневного недоумения, что лучше и не начинать. Полина? Полина бы приободрила, но вмешиваться не стала, даже с ее ироничными взглядами на жизнь «крошке Катюшке» еще рано отправляться в свободное плавание. Младшая в семье — это приговор.

«Если бы я была высокая, то, возможно, они относились бы ко мне иначе... И лицо у меня еще какое-то детское», — вздохнула она.

Сергея пришлось ждать около раздевалки минут пятнадцать, но время не было потрачено зря. Катя припудрила нос, мазнула кисточкой с румянами по щекам, покусала губы для яркости и привела в порядок волосы: расчесала, а затем взбила их. Метнувшись к зеркальной двери конференц-зала, она осталась довольна собственной внешностью. Сергей взрослый парень — это здорово! Главное, чтобы он не видел в ней лишь симпатичную легкомысленную студентку, с

которой можно часок поболтать или провести необременительный вечер.

— Ну, пошли, — сказал он, засовывая руку в карман джинсов, и Катюшка радостно кивнула.

В будничной одежде Сергей оказался ничуть не хуже, чем в спортивных трусах и майке. Светло-серые джинсы и синий свитер с широкой красной полосой на груди удивительно ему шли. И объемная спортивная сумка удачно завершала образ супермужчины.

«Сергей как с обложки журнала, но только не противно-смазливый, а классический такой... Особенный и притягательный. — Желая скрыть улыбку, Катюшка чуть повернула голову вправо и поймала в душе рябь теплого трепета. — Может, это судьба, что мы сегодня познакомились...»

— Ты где живешь?

— На Ленинском проспекте.

— С родителями, что ли?

Вот это обидное «что ли» мгновенно окружило душу иголочками и напрягло все нервы и чувства. Будто она не имеет права жить там, где ей хочется...

— С папой, — быстро ответила Катюшка, опускающая подробности про сестер. Теперь-то они разъехались: Полина к Андрею, Ольга к Никите. У них новая жизнь, в которой много трогательной заботы, ласковых слов, счастливого смеха и взаимной любви.

Сергей перешагнул последнюю ступеньку, остановился, заглянул Кате в глаза и насмешливо спросил:

— Папина дочка, что ли?

И опять это противное «что ли»!

Там сосны рисуют небо

Уверенность пошла на убыль, и Катя сделала торопливую попытку вернуть прежний настрой. Да, она живет с отцом, можно подумать, все после школы собирают вещи и отправляются из родительского дома куда глаза глядят. Вовсе нет.

Эх, но она не только живет с отцом, она действительно самая настоящая папина дочка — ни шагу без его разрешения. Наверняка он сейчас трезвонит на мобильник, и хорошо, что зарядка скоростижно скончалась.

— Нет. — Хлопнув ладонью по перилам, Катюшка тоже перешагнула через ступеньку. — Сестры разъехались, и я пока не могу оставить папу одного.

— Значит, самостоятельная? — Сергей опять усмехнулся.

— А у тебя это вызывает сомнения? — стараясь быть небрежной, спросила она. — Ну, где наше транспортное средство?

Он нажал кнопку брелока, и белая машина, припаркованная около рекламного стенда, приветливо пискнула.

— Садись, — кивнул Сергей, распахивая заднюю дверцу, чтобы бросить на сиденье сумку.

Катюшка уселась в кресло, бегло осмотрелась и перевела взгляд на часы — еще не поздний вечер. Папе она не отзвонилась — ну и ладно, в конце концов, до двенадцати далеко и... И возможно, он сам задерживается, а через полчаса она будет дома.

Но Сергей явно никуда не торопился. Включив плавную музыку, он повернулся к Катюшке и нежно провел пальцем по ее щеке, отчего по телу побежали мурашки.

— Я рад, что ты зашла в зал и мы познакомились.

— Я тоже рада, — ответила она, улыбаясь.

— И ты точно не папина дочка? — с иронией в голосе повторно спросил он.

— Точно, — с вызовом ответила Катя.

— Тогда поехали со мной на озеро.

Она с волнением ожидала приглашения в кафе, ресторан или кинотеатр, но озеро... Что он имел в виду?

— Какие озера? — удивленно спросила Катюшка, отчего-то вспоминая учительницу географии и ее вечное: «А тебе, Шурыгина, Колумб не доверил бы даже драить палубу на «Санта-Марии», и 3 августа 1492 года ты бы, скорее всего, тушила треску в глиняном горшке, а не собиралась в экспедицию к новым берегам!»

— Самые обыкновенные валдайские озера. Я с друзьями еду на майские праздники — порыбачить и отдохнуть, и готов взять тебя с собой. Или ты предпочитаешь торчать в Москве?

«Я папина дочка, я папина дочка, — затараторила про себя Катюшка, трусливо вжимаясь в мягкую спинку сиденья. — И Москва, между прочим, чудесный город...»

Вот как теперь объяснить Сергею, что ее никто никуда не отпустит? И, если честно, она не готова ехать за тридевять земель с малознакомым мужчиной, пусть он и похож на модель из глянцевого журнала.

А Польша бы поехала...

Эх.

— Мы мало знакомы, — тихо протянула Катя и, возвращаясь к образу сексапильной брюнетки, вы-

Там сосны рисуют небо

прямила спину, вздернула нос и повторила громче: — Мы мало знакомы.

— Отдельная комната тебе гарантирована, — бросил Сергей, разворачиваясь к рулю. — Пара домиков на турбазе уже забронированы, подумай, а то у нас одно место пропадает. Картошка на углях, ароматный шашлык, рыба только что из озера... Или ты привыкла к трюфелям и перепелкам?

Проверяет он ее или хочет уколоть, Катюшка никак не могла понять, но на всякий случай отодвинула сумочку, привезенную Полиной из Парижа, поближе к дверце. Ну, чтобы в глаза не бросалась.

И какие трюфели, какие перепелки, если Ольга последнее время варила рис и готовила судака на пару. Где эти трюфели? Где эти перепелки?

— Я же сказала, — пожала плечами Катя, — мы мало знакомы, дело только в этом. — Она закусила нижнюю губу и посмотрела в окно. «Нда... представляю лицо папочки в тот момент, когда он узнает о моей стремительной поездке на валдайские озера...»

И все же Катюшке стало весело от заманчивых перспектив этого знакомства, от разговора и от уютной атмосферы, царившей в машине. Точно она выпила пару бокалов игристого, и медленная романтическая музыка, вылетающая из динамиков, звучала именно для нее. В душе от этого пели робкие мелодичные колокольчики — динь-динь, динь-динь. И никакая она не маленькая... Маленьких с собой на валдайские озера не зовут. А где, кстати, Валдай находится?

Когда за окошком показался родной дом, Катюшка напряглась в ожидании прощания. Каким оно будет?

Захочет ли Сергей с ней встретиться еще раз? Кафе, ресторан, киношка — почему бы и нет?

— Это твой дом? — с непонятной интонацией в голосе спросил он, притормаживая около подъезда.

— Ага.

— Неплохо.

— Четвертый этаж, — зачем-то уточнила Катя и застегнула куртку.

— Даже боюсь спросить, сколько у вас комнат.

— Много. — Она широко улыбнулась и вжала голову в плечи.

— Понятно...

Кажется, его голос стал резче или показалось?

— Ну, пока, — стараясь быть простой и жизнерадостной девчонкой, небрежно произнесла Катюшка и притянула сумочку к себе.

— Подожди... — Сергей наклонился, достал из бардачка блокнот, ручку, быстро написал номер своего мобильного и вырвал лист. — Позвони, если скучно будет, или вдруг надумаешь метнуться на озеро.

— Ага, — кивнула Катя и с сожалением отметила, что с его стороны нет никаких полунамеков. Пусть бы еще раз дотронулся до ее щеки... или обнял напоследок... Или уточнил бы, когда они теперь увидятся.

Но он же дал номер телефона, хотя почему-то не попросил ее номер в ответ...

А потому что не хочет навязываться! Решение и выбор за ней.

Более или менее Катюшка пришла в себя только за дверью подъезда. Ух! Она легко и просто познакомилась с Сергеем Романенко, по которому, как ока-

Там сосны рисуют небо

залось, сохнут и Оксанка и Маринка. И он позвал ее в далекое путешествие и пообещал накормить печеной картошкой, шашлыком и рыбой... Ну что, папа, Полина и Оля? Не ожидали?

— Я — роковая брюнетка, — хихикнула Катюшка и заспешила вверх по лестнице. — М-м-м, — высунула она язык и скорчила гримасу, — много вы понимаете! Колумб, Колумб!

И этот выпад предназначался вредной учительнице географии, которая еще частенько любила приговаривать: «Ты, Шурыгина, сама абсолютно не в состоянии определить, где Курильские острова, а где Огненная Земля...»

* * *

— Ты фильм про Красную Шапку смотрел? Два волка: один — худой и высокий, второй — короткий и толстый...

— Смотрел, — буркнул Степан, нервно листая страницы медицинской энциклопедии.

— А еще: большой мешок и маленькая глупенькая девочка...

— Не такой уж она и глупой была! И насколько я помню, дело закончилось не в пользу волков.

Павел ничего не ответил. Плюхнувшись на диванные подушки, он раскинул руки в стороны, уставился в потолок и скользко улыбнулся. Степан — трусливый дурак, привыкший держаться за теткину юбку, но с ним все же лучше, спокойнее как-то... Пусть нудит, некуда ему деваться. А как они заживут потом! Как заживут! Рестораны, машины, женщины...

— Тяпа, а ты как относишься к женщинам? — насмешливо спросил Павел, поворачивая голову в сторону приятеля.

— Положительно, — натянуто ответил Степан, но тут же, вспомнив Нину-Нинель, поморщился и откорректировал ответ: — Терпимо.

Ох, как бы ему хотелось сейчас оказаться совсем в другом месте... И пусть бы тетка ругала за грязные носки в корзине для белого белья или за хлебные крошки на журнальном столике, и пусть бы пилила с утра и до вечера. Не с его здоровьем, возрастом и характером ввязываться в подобные истории. Пашке-то что! Пашка и не из таких передряг чистым выходил! И еще неизвестно, чем он занимался последние годы... Если не врет, то сначала на хлебозаводе работал, потом барменом в дешевой забегаловке, потом альфонсом (весьма «милое» занятие). Целый день Павел мусолит свой план, уж и слушать невозможно, уж и в груди странные похрипывания наблюдаются, уж и пальцы на ногах холодеют и скрючиваются — к чему бы это? И на кой черт их свела судьба сто лет назад! Сходил, называется, к однокласснику в гости и подцепил эту заразу — Павла! — на всю оставшуюся жизнь. И это именно он его с пути истинного сбивал. Подежурь вот здесь, постой вот там, держи добычу, не правда ли легко получилось?

И Пашка еще умеет притянуть к себе, точно гипнозом обладает — слушаешь и веришь, что действительно все просто и без проблем...

Степан шмыгнул носом и быстрее зашелестел страницами книги, демонстрируя чрезмерную занятость.

Там сосны рисуют небо

Вот с кем он всегда находил общий язык, так это с медицинской энциклопедией. 1961 года издания. Москва. Главная редакция — А. Н. Бакулев и Ф. Н. Петров. *«Предстарческие психозы — психические расстройства, возникающие в возрасте 50–60 лет и позднее, протекающие с явлениями тревоги, тоскливости, рассеянности, беспокойства... Больным кажется, что с ними или с членами их семьи должна случиться беда... они ждут за что-то наказания... их необходимо вовремя помещать в психиатрическую больницу».* Какой кошмар. Уши Степана вспыхнули огнем. Конечно, до пятидесяти еще далеко, но какие удручающие перспективы... И уже сейчас имеются предпосылки. Какой кошмар...

— У тебя вода есть? Фильтрованная? — пискляво произнес он, жалостно морщась.

— В чайнике. Обычная, — махнул рукой Павел и, оживившись, сел. — Я тебе ее покажу.

— Кого?

— Младшую Шурыгину.

— Нет... не надо... — Степан замотал головой и поджал ноги под кресло. Вероятность заполучить предстарческие психозы намного раньше обещанного срока обрушилась на плечи неподъемным грузом. — Я решил... я в этом не участвую...

Но Павел не обратил внимания на отказ. Подскочив, он отбил чечетку на месте и многозначительно произнес:

— Ларьки вместе грабили и за девчонкой вместе пойдем, понятно?

— Я не грабил, — отчаянно замахал руками Степан, — я только на шухере стоял... И давно это было...

ЮЛИЯ КЛИМОВА

очень давно... и всего пять раз... или шесть... ты же сам говорил, что это не считается...

— Ха, а я тебе врал! И если меня поймают, обязательно скажу, кто меня заботливо прикрывал.

— Но...

— Давай, Тяпа, давай, — усмехнулся Павел, — не трусь. Будем потом черную икру есть ложками и мимо твоей тетки на лимузинах проезжать. Хочешь на белом? А хочешь на розовом? — Он щелкнул зажигалкой и засмеялся. — Не трусь, Тяпа, не трусь!

Степан вновь всхлипнул — жалобно, горько — и поплелся на кухню пить воду обыкновенную. Выхода нет... выхода нет... Пашка не отпустит, ни за что не отпустит, да и вдруг настучит на него из вредности при плохом раскладе... А может, обойдется? Чуть-чуть риска — и все позади. Это же только на шухере постоять... один разок... Как в старые времена.

ГЛАВА 2

Если бы Катя чувствовала себя хоть в чем-то виноватой, она бы тихонько открыла дверь, быстро скинула верхнюю одежду, подхватила тапочки, прокралась на цыпочках в свою комнату, разделась, юркнула в постель, накрылась одеялом почти с головой и закрыла глаза — завтра, завтра уже ругать будут не так сильно...

Но она себя виноватой совершенно не чувствовала. Более того, праведный гнев на сестер и папу за излишнюю опеку тесно переплелся с восторженным: «Я ему понравилась!», и с мечтательным: «Как же хочется отправиться в путешествие — вперед к неизвестности и новым чувствам». Разве многого она хочет? Разве у нее нет права на собственную жизнь? Не абы какую, а... а... восхитительную!

Катюшка хлопнула дверью, сунула ключи в карман, бросила сумку на диванчик, возвела глаза к потолку и шумно и счастливо вздохнула. Она не поняла, что сегодня произошло: влюбилась или нет? Она не знает, что будет завтра: встретятся они еще или нет? Но улыбка не сходит с лица, душа поет «тра-ля-ля», и немножко дрожат пальцы, точно экзамен позади и в зачетке стоит твердая четверка. Почему четверка? Потому что пятерка — это слишком. Потому что пятерка не дает развернуться мечтам, она утверждает, а не подталкивает вперед...

ЮЛИЯ КЛИМОВА

«А мне еще столько нужно узнать и попробовать», — смущенно протянула про себя Катюшка и... и наткнулась на суровый взгляд отцовских глаз. Э-э...

— Ты где была? Посмотри на часы! Почему твой телефон не отвечает?! — Петр Петрович сдвинул брови и, не сбавляя накала, резко добавил: — Я волнуюсь. Тебе не приходит это в голову?

Нет, ей это в голову совершенно не приходило, то есть абсолютно.

— Десять часов с копейками, — удивленно ответила Катя, не понимая сути претензии, — время еще детское.

— Без пяти одиннадцать, — уточнил Петр Петрович. — И что с твоим телефоном?

— Разрядился, зараза.

— Что за выражения?

— Извини, вырвалось... Я могу уже пойти... м-м-м... спать?

— Нет, я жду тебя в кабинете! — громыхнул Петр Петрович и решительно направился в свою «обитель».

На протяжении последних ста лет в кабинет вот таким тоном вызывали только Полину, и уж там ей доставалось по полной программе... Гром и молния!

Катюшка на миг замерла, не веря глазам и ушам: неужели ее сейчас будут ругать, как Полину?.. Ага, по-настоящему... Ух.

Сунув ноги в тапки, она прошла в ванную, вымыла руки, потянула время около зеркала, хмыкнула и спокойно отправилась на казнь. Она же ни в чем не виновата. Видимо, папа тоскует по старым добрым временам, когда они жили все вместе, когда Полина

Там сосны рисуют небо

сводила всех с ума, а Оля занималась хозяйством и шелестела страницами договоров и в своей комнате, и в кухне. Теперь-то конечно! Теперь-то сконцентрировать внимание можно только на ней. А кого интересует, что у нее в душе?..

Катюшка подавила хулиганскую улыбку, расправила плечи и перешагнула порог кабинета. Эх, хотела бы она посмотреть на папино, Полинино и Олино лица, если бы в один прекрасный день она собрала сумку и уехала на озера или еще куда-нибудь. С мужчиной. Ага. Высоким, красивым мужчиной.

— Садись. — Петр Петрович указал на стул, а сам сел в кресло за письменный стол. Сложив руки перед собой, он внимательно изучил внешний вид младшей дочери (вроде не разгильдяйский) и приступил к допросу: — Где ты была?

Катюшка плюхнулась на стул и взяла несколько секунд на размышление. Можно бесконечно выкручиваться, можно выдать часть правды, можно всю правду, можно преподнести историю так, что вроде и правда, но без криминала (для отца маленькое приключение с Сергеем Романенко, наверное, будет криминалом). Но с другой стороны, если она не начнет себя вести как взрослая самостоятельная девушка, то...

— Я слушаю тебя, — поторопил Петр Петрович.

— В институте, — честно ответила Катя.

— Ты перешла на вечернее обучение? — иронично спросил он.

— Нет... ну... закрутилась: то одно, то другое, а потом пошла в зал.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

— Какой еще зал?

— Спортивный, конечно.

Ответ Петру Петровичу не понравился. Спортивный зал — это мячи, корзины, канаты и разогретая толпа любителей побегать и попрыгать. И насколько он помнил свои молодые годы, к футболистам, баскетболистам, теннисистам всегда прилагалась разомлевшая группа болельщиц. Нет, если бы Катюшка хоть раз заинтересовалась спортом, он бы предположил что-нибудь иное, но его изнеженная младшая дочь никогда не тяготела к физическим нагрузкам, а значит...

— И что ты там делала?

— Смотрела игру.

— Какую?

— Баскетбол.

Отлично! Здоровые парни в трусах и майках матерятся и толкаются, желая получить мяч, а она смотрит и слушает. Отлично!

— И?

— Что «и»? — Катюшка непонимающе приподняла брови. «Папа, ну как тебе объяснить...» — Я пришла домой приблизительно в пол-одиннадцатого. Или немного позже... Это же не ночь? Я вообще не понимаю, почему ты недоволен...

Петр Петрович и сам не мог четко сформулировать претензии. Работа, работа, работа... Он не знает, с кем Катя дружит, как проводит свободное время, о чем мечтает, наконец! Собственно, это его вина, но у нее ответственности в словах и поступках совершенно же не наблюдается. Нет ответственности. Ау-у, ответственность, где ты?..

Там сосны рисуют небо

— Ты должна приходить домой не позже десяти часов, и я хочу знать, где ты находишься. И зачем тебе мобильный телефон, если ты не утруждаешь его зарядить?

— Так получилось...

— Это не ответ. — Немного успокаиваясь, Петр Петрович откинулся на спинку кресла и покачал головой. — Катя, — строго продолжил он, — я не хочу чтобы ты совершила ошибки, о которых пожалеешь впоследствии, ты еще наивна и мала...

— Двадцать один год, между прочим, — обиженно буркнула Катюшка.

— В твоем возрасте лучше всего сосредоточиться на учебе, не нужно забывать о самодисциплине и дальнейших перспективах. Ты же умная девочка, и все в твоих руках. Но если начнешь разбрасываться, если станешь позволять себе небрежность и...

Дальше Катюшка уже не слушала. Голос отца потянулся к потолку, затем к книжным полкам, а потом устремился к окну и вылетел на улицу... А Сергея можно назвать красивым. Руки у него и ноги такие... мужские. Длинная светлая челка, острый нос... И смотрел он на нее с интересом. Девчонки умрут от зависти, если узнают... Потому что он взрослый, а это шаг к серьезным отношениям — надолго. А у нее как раз еще не было серьезных отношений — с затяжными поцелуями, огненной страстью и трепетной любовью. Как у Полины, как у Оли, как у многих женщин на планете Земля. Он должен в нее втрескаться по самые уши! Должен превратиться в бедного трубадура, который ходит по свету и слагает песни о прекрасной

кареглазой Екатерине и о своем глубоком чувстве, сжимающим сердце до боли...

Катя представила Сергея с тромбоном в руке, в линялой футболке, порванных на коленях джинсах, давно потерявших цвет и само право на существование, и скептически сморщила нос. Неа, трубадур из него не выйдет. А Дон Кихот? Ламанчский? Или какой он там?.. На старой кляче с копьём!

— ...ты меня слушаешь? — Раздраженный голос безжалостно разорвал очередной образ на две лохматые части. — Расскажи, о чем ты думаешь, обещаю, я все пойму.

О, как заманчиво!..

Она даже не успела осознать своих порывов, своих «да» или «нет», как на свободу вырвалась правда.

— Я влюбилась, — выдохнула Катя, улыбнулась и неуверенно добавила: — наверное, влюбилась...

Первый раз в жизни Петр Петрович Шурыгин захотел, чтобы у него оказались проблемы со слухом. И чтобы эти слова явились не чем иным, как самой обыкновенной слуховой галлюцинацией. Он ослышался, обманулся, неправильно понял... Его дочь, его малышка не может влюбиться сейчас. Абсурд! Очередная детская глупость!

— Ты влюбилась? — коротко спросил он, крепко вцепившись в подлокотники кресла.

— Ну-у-у, это еще не точно... я познакомилась... сегодня познакомилась с молодым человеком, который... вроде понравился. — Катюшка выдала информацию порционными вагончиками и замерла, ожидая ответную реакцию. А что такого? Миллионы девушек

Там сосны рисуют небо

каждый день знакомятся, общаются и строят планы на будущее. «Папочка, пойми же меня, пойми!» Полины нет... кому излить душу? Сам же попросил рассказать о наболевшем...

— Та-а-ак, — протянул Петр Петрович, тщательно подбирая слова для дальнейшей нравоучительной беседы, которую хотелось решительно сократить до емкого: «Чтобы я этого больше не слышал, марш в постель!» Она мала, совсем еще мала, а кругом шныряют наглые, самоуверенные негодяи, мечтающие только об одном! Когда-то он и сам был таким негодяем и поэтому прекрасно знает, к чему ведет «тактика ближнего боя».

— Он играл в баскетбол, а я сидела на скамейке болельщиков, — робко уточнила Катюшка, потупив взор. Ага, так и было. Он играл, она сидела...

А потом Сергей пригласил ее в путешествие.

А вдруг папа отпустит? Вот возьмет сейчас и отпустит?!

Да, она должна отстаивать свои права!

— И как зовут этого... героя? — процедил Петр Петрович, хотя правильным было бы спросить: «И как зовут этого камикадзе?»

— Сергей Романенко. Он немного старше меня... — сгладила углы Катюшка, тщетно пытаясь понять настроение родителя. — И, папа... — Она вдруг встрепенулась, улыбнулась и радостно выпалила: — И, папа, он пригласил меня на озеро! Романтично, правда? Помнишь, Польша отправилась любоваться фонтанами в Питер на целую неделю с братом одноклассницы? А помнишь, она попыталась добраться авто-

стопом чуть ли не до Новосибирска, желая попасть на рок-фестиваль, но на полпути застряла в какой-то глуши, где проходил совсем другой фестиваль — фестиваль любителей пива... Помнишь? Я пока не уверена, что хочу поехать, но я никогда не была на Валдае. Там турбаза, и у каждого будет отдельная комната. — Катюшка подскочила и заходила по комнате. — Папа, а может, мне и правда махнуть на озера? — Она остановилась, наклонила голову набок, шмыгнула носом и закусила нижнюю губу. — А?

«Точно так же много лет назад она стояла на новогоднем утреннике в детском саду, — вспомнил Петр Петрович, сжимая зубы. — Только огромного белого банта с разноцветными блестками не хватает...»

Довольно! Он слишком долго и терпеливо слушал этот восторженный бред. Какой еще к черту Валдай?! Какой Валдай! Полина? О да, он помнит все ее выкрутасы, и седина у него появилась как раз после славного фестиваля пива, случившегося в развеселой деревеньке не то под Тюменью, не то под Екатеринбургом, фестиваля больше напоминающего пьянку разгулявшейся молодежи, чем культурное мероприятие с участием знатоков! Никакого Валдая, никакого Сергея Романенко с загребущими руками, никаких отдельных комнат на краю вседозволенности не будет! Хватит с него Полины!

Из-за стола Шурыгин поднимался медленно, словно черная туча, долго копившая раздражение и злость. Его аристократическое лицо вмиг огрубело, в глазах сверкнул огонь, а пальцы сжались в кулаки. Довольно! Хотя бы младшую дочь он оградит от болезнен-

Там сосны рисуют небо

ных разочарований, и он сделает это даже наперекор ее собственным наивным желаниям! «И какой-то здоровый детина будет ее обжимать за сотни километров отсюда?.. Довольно!»

— Катя, ты меня сейчас очень удивила... Ты действительно считаешь, что я могу благословить тебя на все четыре стороны, отпустить с малознакомым парнем неизвестно куда и спокойно продолжить работу, делая вид, будто так и надо? — Голос Петра Петровича становился жестче и резче с каждым словом. — Ты действительно так считаешь? — Он чуть подался вперед и приподнял брови. — О какой любви идет речь, если ты знакома с ним несколько часов?!

Катюшка вздрогнула и вжала голову в плечи.

— Но... ты же сам сказал: расскажи, и я пойму...

— А я не предполагал, что у моей младшей дочери такое богатое воображение! Я не предполагал, что ее голова забита совершеннейшими глупостями! И я лишний раз убедился в том, что ты слишком мала и наивна, и отпускать тебя дальше чем на километр категорически нельзя! — Петр Петрович гроыхнул креслом, сделал несколько нервных шагов к книжным полкам и резко остановился. Посмотрев прямо в глаза Кате, он громко и четко добавил: — Я не желаю больше слушать этой ерунды, ты должна учиться — вот главное! И я теперь буду следить за каждым твоим шагом! Хочешь любви? Прекрасно! Станешь взрослее, умнее, встретишь достойного человека и выйдешь замуж! А пока у тебя в голове — ветер. И потрудись заряжать мобильный телефон, иначе в следующий раз я сам отправлюсь за тобой в институт и переверну все вверх дном, но найду тебя!

Бросив последнюю угрозу, Петр Петрович вернулся за стол, сел и уткнулся в бумаги, обозначив тем самым конец «задушевной» беседы. Конечно, нужно было раньше заниматься ее воспитанием... А то слоняется не пойми где! Не хватало ему получить вторую Полину. Нет, сердце у него не железное и подобной катастрофы уже не выдержит — Катя должна, наконец, понять, что в жизни главное. А также пришло время научиться разбираться в людях! И думать, думать нужно: что и зачем делаешь, и к чему это может привести!

— Иди спать! — резко добавил Петр Петрович, считая тему закрытой.

Катюшка почувствовала, как пол уходит из-под ног, от обиды на глаза навернулись крокодиловы слезы. Качнувшись, всхлипнув, она бросила на отца отчаянный взгляд и вылетела из кабинета. Как он мог так обмануть ее надежды! И почему нельзя влюбиться в двадцать один год? Она сама еще не разобралась... Или разобралась? И зачем говорить «Я пойму», если понимать не собираешься? А Сергей на нее смотрел по-особенному! И она вовсе не глупый цыпленок и не наивная дурочка!

— А вот уеду, и будете знать. — Вытерев ладонью слезу, она рухнула на кровать, уткнулась лицом в подушку и горько зарыдала.

Почему, почему Полине можно, а ей нельзя? Почему она должна жить взаперти под надзором, когда на улице весна?

— Сама виновата! — Она ударила кулаком по одеялу и издала плаксивый стон. И что на нее на-